

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ТАЙНАЯ КОМНАТА



2

ДЖ.К. РОУЛИНГ

Гарри Поттер

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер и тайная комната

«Pottermore limited»

1998

Роулинг Д.

Гарри Поттер и тайная комната / Д. Роулинг — «Pottermore limited», 1998 — (Гарри Поттер)

ISBN 978-1-78110-189-6

«Заговор, Гарри Поттер. Заговор — в этом году в Хогвартсе, школе колдовства и ведьминских искусств, произойдут ужаснейшие события». Лето у Гарри Поттера состояло из самого ужасного дня рождения в жизни, мрачных предупреждений от домового эльфа по имени Добби и спасения от Дурслеев, когда его друг Рон Уизли прибыл за ним на волшебной летающей машине! Вернувшись в школу колдовства и ведьминских искусств «Хогварц» на второй курс, Гарри слышит странный шепот, который эхом раздается в пустых коридорах. А потом начинаются нападения. Студентов находят будто превращенными в камень... Кажется, что зловещие предсказания Добби начинают сбываться.

ISBN 978-1-78110-189-6

© Роулинг Д., 1998
© Pottermore limited, 1998

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и тайная комната

Посвящается Шону П.Ф. Харрису, который всегда примчится и спасет от любой беды

Глава первая

Чудовищный день рождения

Уже не впервые за завтраком в доме номер четыре по Бирючинной улице разгорелась ссора. Мистер Вернон Дурслей был разбужен до зари громким уханьем, доносившимся из комнаты племянника Гарри.

– Третий раз на неделе! – прорычал мистер Дурслей. – Не можешь унять сову, значит, скажешь ей до свидания!

Гарри, тоже не впервые, попробовал объяснить:

– Ей *скучно!* Она привыкла летать где захочет. Если б вы разрешили хотя бы выпускать ее по ночам...

– Я что, похож на идиота? – фыркнул дядя Вернон, дернув кустистыми усами и прилипшим к ним ошметком яичницы. – Не знаю, по-твоему, чем все кончится, если ты выпустишь это чучело?

Он и его жена Петуния мрачно переглянулись.

Гарри было заспорил, но его доводы заглушила громкая отрывка сына Дурслеев, Дудли.

– Хочу еще бекона.

– Возьми со сковородочки, лапушка, – сказала тетя Петуния, обласкав своего грузного сына затуманенным от нежности взором. – Нужно как следует поправиться, пока есть возможность... Судя по твоим рассказам, еда у вас в школе не слишком...

– Чепуха, Петуния! Я вот в «Смылтингсе» голодным не ходил, – с жаром возразил дядя Вернон. – Дудли кушает вволю, правда, сынок?

Дудли, такой большой, что его зад свешивался со стула, хмыкнул и повернулся к Гарри:

– Передай сковородку.

– Ты забыл волшебное слово, – раздраженно сказал Гарри.

Эта простая фраза подействовала на остальных фантастически: Дудли поперхнулся и грохнулся на пол, от чего содрогнулась вся кухня; миссис Дурслей тоненько взвизгнула и зажала рот руками; мистер Дурслей подскочил, и на висках у него отчетливо выступили вены.

– Я имел в виду «пожалуйста»! – быстро пояснил Гарри. – Я не в смысле...

– РАЗВЕ ТЕБЕ НЕ ГОВОРИЛИ? НЕ ТВЕРДИЛИ СТО РАЗ? – зарокотал дядя, брызгая слюной. – ЧТОБЫ НИКАКОГО ЭТОГО... НА БУКВУ «В» У НАС В ДОМЕ!

– Но я...

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ ПУГАТЬ ДУДЛИ! – орал дядя Вернон, стуча кулаком по столу.

– Я просто...

– Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ! В МОЕМ ДОМЕ – НИ СЛОВА О ТВОЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ!

Гарри перевел взгляд с дядиной багровой физиономии на бледное лицо тети, тщетно пытавшейся поднять Дудли на ноги.

– Ладно, – сказал Гарри, – ладно, всё...

Дядя Вернон сел, пыхтя как загнанный носорог и злобно косясь на Гарри.

С самого начала летних каникул дядя Вернон вел себя так, словно Гарри – бомба, того и гляди, взорвется, а все потому, что тот и правда *не был* обычным ребенком. Необычной, по сути, не сыщешь.

Гарри Поттер был колдун и только что окончил первый класс «Хогварца», школы колдовства и ведьминских искусств. Перспектива провести с ним лето под одной крышей ужасала Дурслеев, но их чувства меркли по сравнению с тем, что испытывал сам Гарри.

Тоска по школе мучила его, как боль в животе. Он скучал по замку с его привидениями и потайными ходами, скучал по занятиям (разве что не по Злею, учителю зельеделия), по утренней совиной почте, по пирам в Большом зале, по своей кровати под балдахинном, по дружеским чаепитиям с лесником Огридом в его хижине на окраине Запретного леса и особенно по квиддишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира (шесть высоких шестов с кольцами, четыре летающих мяча, четырнадцать игроков на метлах).

Все книги заклинаний, волшебная палочка, мантии, котел и суперсовременная метла «Нимбус-2000» были заперты дядей Верноном в чулане под лестницей, едва Гарри перешагнул порог дома. Какое дело Дурслеям до того, что Гарри выгонят из команды, если он не будет тренироваться и за лето потеряет форму? Какое им дело, что он явится в школу, не выполнив ни одного домашнего задания? Дурслеи, будучи, как выражались колдуны, муглами (ни капли волшебства в крови), считали, что колдун в семье – несмыываемый стыд и позор. Даже Хедвигу, сову Гарри, дядя Вернон запер в клетке на висячий замок – не ровен час, племянник отправит весточку своей братии.

Внешне Гарри нисколько не походил на родственников. Дядя Вернон – здоровяк с бычьей шеей и черными усищами; тетя Петунья – костлявая, с лошадиным лицом; Дудли – светловолосый, розовый, свиноподобный. А Гарри – маленький и худенький, с блестящими зелеными глазами и непослушной угольно-черной шевелюрой. Он носил круглые очки, а на лбу у него красовался тонкий шрам – зигзаг молнии.

Из-за шрама Гарри и был столь особенным, даже среди колдунов. Только шрам и свидетельствовал о его загадочном прошлом, о событиях, после которых мальчик одиннадцать лет назад оказался на пороге дома Дурслеев.

Гарри был всего год, когда он непостижимым образом пережил злое заклятие величайшего черного мага всех времен, Лорда Вольдеморта, чье имя многие колдуны и ведьмы до сих пор не отваживались произносить вслух. Родители Гарри погибли, но сам мальчик отделался шрамом-молнией, а Вольдеморт – никто так и не понял почему – потерял колдовскую силу от одной лишь попытки убить Гарри.

Вот и вышло, что маленького колдуна воспитывали в семье сестры его погибшей матери. Гарри провел у Дурслеев десять лет. Верил, будто шрам остался ему на память об автомобильной аварии, погубившей родителей, и не понимал, как ему удастся помимо воли творить всякие загадочные вещи.

Потом, ровно год назад, Гарри получил письмо из «Хогварца», и все тайное стало явным. Гарри поступил в колдовскую школу, где он сам и его шрам были знамениты... но теперь учебный год кончился, и на лето Гарри вернулся к Дурслеям, где с ним опять обращались как с дурной собакой, которая к тому же извалялась в тухлой рыбе.

Дурслеи даже не вспомнили, что сегодня у Гарри день рождения – ему исполнилось двенадцать. Конечно, он особо и не рассчитывал; ему никогда не дарили настоящих подарков и тем более не пекли пирог, но все-таки начисто забыть...

Тут дядя Вернон важно прокашлялся и сказал:

– Сегодня, как мы знаем, особенный день.

Гарри недоверчиво поднял взгляд.

– Очень может быть, что для меня он станет днем величайшей сделки в моей карьере, – продолжал дядя Вернон.

Гарри вновь принялся за гренок. «Ну конечно, – горько подумал он, – опять про этот дурацкий ужин». Дядя вот уже две недели не говорил ни о чем больше. На ужин пригласили владельца богатой строительной компании с женой, и дядя Вернон очень рассчитывал заключить с ним крупную сделку (дядина компания производила сверла).

– Пожалуй, стоит прорепетировать еще разок, – решил дядя Вернон. – К восьми часам все занимают назначенные позиции. Петунья, ты будешь?..

– В гостиной, – с готовностью ответила та. – Я буду ждать, чтобы сразу же с милой улыбкой поприветствовать их в нашем доме.

– Отлично, отлично. Дудли, ты?

– Я буду ждать у двери и вежливо им открою. – Дудли скроил противную жеманную улыбочку: – Позвольте ваши плащи, мистер и миссис Мейсон?

– Они в него влюбятся! – в восторге закричала тетя Петунья.

– Прекрасно, Дудли, – похвалил дядя Вернон. И повернулся к Гарри: – А ты?

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – монотонно проговорил Гарри.

– Совершенно верно, – ядовито подтвердил дядя Вернон. – Я провожу их в гостиную, познакомлю с тобой, Петунья, и предложу напитки. В восемь пятнадцать...

– Я приглашу всех за стол, – отрапортовала тетя Петунья.

– А ты, Дудли, скажешь...

– Позвольте проводить вас в столовую, миссис Мейсон? – заученно подал реплику Дудли, предлагая свернутую жирным кренделем руку невидимой даме.

– Ах ты мой маленький джентльмен! – едва не прослезилась тетя Петунья.

– А ты? – Дядя грозно прищурился на Гарри.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – скучно пробубнил Гарри.

– Вот именно. Теперь подумаем, как вставить за ужином пару непринужденных комплиментов. Петунья, есть идеи?

– Вернон говорил, вы великолепно играете в гольф, мистер Мейсон... Расскажите же, где вы купили это потрясающее платье, миссис Мейсон...

– Чудесно... Дудли?

– Может... Нам в школе задали написать сочинение на тему «Мой герой». Мистер Мейсон, я написал о вас!

И для Гарри, и для тети Петунии это оказалось чересчур. Тетя Петунья разразилась счастливыми слезами и бросилась обнимать сына, а Гарри нырнул под стол, чтобы никто не увидел, как он давится со смеху.

– А ты, парень?

Вынырнув, Гарри с большим трудом соорудил серьезную мину.

– Я буду у себя в комнате сидеть тихо и делать вид, что меня нет, – отбарабанил он.

– И еще как будешь, – с нажимом промолвил дядя Вернон. – Мейсоны ничего про тебя не знают, и так оно и останется. Петунья, после ужина ты проводишь их назад в гостиную и предложишь кофе, а я переведу разговор на сверла. Если повезет, мы подпишем контракт еще до вечерних новостей. Завтра в это же время уже будем подыскивать летний дом на Майорке.

Гарри их восторга не разделял. Что на Майорке, что на Бирючинной улице – он в этой семейке лишний.

– Так... Я поехал в город за смокингами. А ты, – окрысился он на Гарри, – не лезь куда не просят и не мешай тете приводить дом в порядок.

Гарри вышел через заднюю дверь. День был чудесный, солнечный. Мальчик прошелся по аккуратно подстриженному газону, плюхнулся на садовую скамейку и тихонько запел:

– С днем рожденья меня... с днем рожденья меня...

Ни открыток, ни подарков, да еще весь вечер делать вид, будто его нет в природе. Он горестно уставился на живую изгородь. Больше всего, больше даже, чем по квиддишу, Гарри скучал по своим лучшим друзьям Рону Уизли и Гермионе Грейнджер. А вот они, видимо, не скучали по нему совершенно. За все лето он не получил от них ни строчки, хотя Рон обещал пригласить Гарри погостить.

Уже миллион раз Гарри хотел призвать на помощь колдовство, отпереть клетку и послать Хедвигу к Рону и Гермионе, но всякий раз останавливался. Не стоило рисковать: несовершеннолетним запрещалось колдовать вне школы. Дурслеям Гарри об этом не сказал: если б не их страх превратиться в навозных жуков, его бы и самого заперли под лестницей вместе с метлой и волшебной палочкой. Первую пару недель по возвращении домой Гарри с удовольствием бормотал вполголоса всякую ерунду и смотрел, как Дудли в панике выкатывается из комнаты, топоча жирными ножищами. Но теперь... От Рона и Гермионы ни словечка, колдовской мир бесконечно далек, издевки над Дудли потеряли свою прелесть – а сегодня друзья даже не поздравили его с днем рождения.

Чего бы он только не отдал за письмо из «Хогварца»... от кого угодно. Он, наверное, не отказался бы увидеть и своего заклятого врага Драко Малфоя – лишь бы убедиться, что год в школе не был сном...

И не то чтобы весь год выдался исключительно радужным. В конце последнего семестра Гарри лицом к лицу столкнулся не с кем иным, как с самим Лордом Вольдемортом. Тот, жалкое подобие себя прежнего, все же был очень страшен, и хитер, и жаждал вернуться к власти. Гарри вновь удалось выскользнуть из его цепких лап, но лишь чудом, и до сих пор, много недель спустя, мальчик просыпался по ночам в холодном поту и все думал, где Вольдемонт скрывается сейчас, вспоминал его жуткое лицо, выпученные безумные глаза...

Гарри вздрогнул, напряжился. Он рассеянно глядел на живую изгородь – но вдруг понял, что и *та глядит на него!* Среди листвы сверкали два огромных глаза.

Гарри вскочил, и тут до него донесся глумливый голос.

– А я знаю, какой сегодня день, – пропел Дудли, приближаясь вразвалку по газону.

Огромные глаза мигнули и исчезли.

– Что? – переспросил Гарри, не сводя глаз с того места, где они только что были.

– Я знаю, какой сегодня день, – повторил Дудли, подойдя к нему.

– Молодец, – похвалил Гарри, – наконец-то выучил дни недели.

– Сегодня твой *день рождения*, – осклабился Дудли. – Чего же тебе не прислали открыток? У тебя что, нет друзей в этой твоей дурке... куда тебя сбагрили?

– Не боишься, что мамочка услышит, как ты мою дурку обсуждаешь? – холодно осведомился Гарри.

Дудли поддернул брюки, которые так и норовили сползти с толстой задницы.

– А чего ты на изгородь тарачишься? – подозрительно спросил он.

– Да вот думаю, каким бы заклинанием ее поджечь, – объяснил Гарри.

Дудли тут же попятился – с диким ужасом на жирной физиономии.

– Н-нельзя... Папа запретил тебе к-колдовать... он сказал, что в-вышвырнет тебя из дому... а тебе некуда идти... у тебя даже друзей нет, куда бы...

– *Колды-балды!* – яростно забормотал Гарри. – *Фокус-покус, фигли-мигли...*

– МА-А-А-А-А-АМ! – заорал Дудли и, спотыкаясь, помчался к дому. – МА-А-А-А-АМ!

А он... сама знаешь что!

Гарри дорого заплатил за свое невинное развлечение. Ни Дудли, ни изгородь не пострадали; тетя Петунья прекрасно понимала, что никакого колдовства не было, но Гарри все же пришлось уворачиваться от мыльной сковородки, которой она хотела его огреть. А потом нагроулила работой, с ультиматумом: крошки не получишь, пока все не выполнишь.

Дудли слонялся вокруг и ел мороженое, а Гарри протирал окна, мыл машину, стриг газон, полыл клумбы, обрезал и поливал розы, подкрашивал садовую скамейку. Солнце безжалостно палило, обжигая шею. Гарри понимал: не следовало поддаваться на провокацию Дудли, но... тот умудрился ткнуть в больное место... может, у Гарри и правда нет в «Хогварце» друзей...

Жаль, никто не видит знаменитого Гарри Поттера сейчас, свирепо думал он, раскладывая навоз по клумбам, обливаясь потом, изнывая от боли в спине.

В половине восьмого, когда он совершенно выдохся, тетя Петуния наконец позвала:

– Заходи в дом! И иди по газетам!

Гарри с облегчением вошел в прохладу кухни, где все сверкало чистотой. На холодильнике стоял пудинг для гостей: огромная шапка взбитых сливок и сахарные фиалки. В духовке шипел большой кусок свиного филе.

– Давай ешь по-быстрому! Мейсоны скоро придут! – гаркнула тетя Петуния и швырнула на блюдо два куска хлеба и остатки сыра. Она уже надела вечернее платье цвета лосося.

Гарри помыл руки и затолкал в рот свой жалкий ужин. Едва он дожевал, тетя выхватила у него блюдо:

– Наверх! Быстро!

Проходя мимо гостиной, Гарри мельком увидел дядю Вернона и Дудли в смокингах и бабочках. Только-только он поднялся на второй этаж, как в дверь позвонили, а у подножия лестницы возникло гневное дядино лицо.

– Запомни, парень, – один раз пикнешь...

Гарри на цыпочках прокрался в свою комнату, скользнул внутрь, закрыл дверь и повернулся к кровати, намереваясь повалиться на нее без сил.

Да вот несчастье – кровать оказалась занята.